Научная статья
DOI: 10.15393/j9.art.2026.18163
EDN: JQAXOZ

Москва в «петербургском» романе Ф. М. Достоевского «Подросток»

С. С. Шаулов

Московский государственный лингвистический университет
(*г. Москва, Российская Федерация*);
Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
(«*Дом-музей М. Ю. Лермонтова*»)
(*г. Москва, Российская Федерация*)

e-mail: sschaulov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу «московского текста» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток», формирующегося на пересечении личного опыта писателя (тяжба за «куманинское наследство» и «дело о червонных валетах») и литературных впечатлений его юности — прежде всего, романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин». Именно этот роман стал одной из первых манифестаций ключевой для русской словесности XIX в. оппозиции «Москва — Петербург», получившей дальнейшее развитие у М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и др. Показано, что в романе «Подросток» соединение и трансформация различных художественных интерпретаций образа Москвы в ее противопоставлении Петербургу приводят к синтезу авантюрного сюжета, традиции романа воспитания и творческих новаций Достоевского. История литературного отображения этой оппозиции становится для героя Достоевского частью внутренней жизни, а для автора — важным приемом описания духовного пути Аркадия Долгорукого: переезд из Москвы в Петербург осмысляется не как внешнее обстоятельство, а как сюжетно и этически значимое деяние самого героя, ретроспективно оценивающего собственную «подростковую» биографию. Делается вывод, что московский биографический и литературный контекст органично совмещается в романе с авантюрно-криминальной фабулой и служит инструментом исторического описания пути национального самопознания, пройденного несколькими поколениями русского общества XIX в.

Ключевые слова: контекст, жанровая традиция, Булгарин, Лермонтов, литературный процесс, сравнительно-исторический метод, московский текст, интертекст

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00190 «Москва Достоевского: новые источники и исследования», https://rscf.ru/project/26-18-00190/).

Для цитирования: Шаулов С. С. Москва в «петербургском» романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 4. С. 215–245. DOI: 10.15393/j9.art.2026.18163. EDN: JQAXOZ

© С. С. Шаулов, 2026

Original article
DOI: 10.15393/j9.art.2026.18163
EDN: JQAXOZ

Moscow in Fyodor Dostoevsky's "Petersburg" Novel "The Raw Youth"

Sergey S. Shaulov

Moscow State Linguistic University
(*Moscow, Russian Federation*);
V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
("*House-Museum of M. Yu. Lermontov*")
(*Moscow, Russian Federation*)

e-mail: sschaulov@gmail.com

Abstract. The article analyzes the "Moscow text" in Fyodor Dostoevsky's novel "The Raw Youth" ("Podrostok"), which emerges at the intersection of the writer's personal experience (the litigation over the "Kumanin inheritance" and the "Case of the Jacks of Hearts") and the literary impressions of his youth — primarily Faddey Bulgarin's novel "Ivan Vyzhigin." That novel was one of the first manifestations of the "Moscow — St. Petersburg" opposition, a key binary for 19th-century Russian literature that was further developed by Mikhail Lermontov, Nikolai Gogol, and others. It is shown that in "The Raw Youth" the integration and transformation of various artistic interpretations of the image of Moscow in its opposition to St. Petersburg result in a synthesis of an adventure plot, the tradition of the Bildungsroman, and Dostoevsky's creative innovations. The history of the literary representation of this opposition becomes a part of the protagonist's inner life and, for the author, an important technique for describing the spiritual journey of Arkady Dolgoruky: the move from Moscow to St. Petersburg is interpreted not as an external circumstance but as a plot-significant and ethically meaningful act of the hero himself, who retrospectively evaluates his own "adolescent" biography. The conclusion is drawn that the Moscow biographical and literary context is organically combined in the novel with the adventure-criminal plotline and serves as an instrument for the historical description of the path of national self-awareness traversed by several generations of 19th-century Russian society.

Keywords: context, genre tradition, Bulgarin, Lermontov, literary process, comparative-historical method, Moscow text, intertext

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 26-18-00190 "Dostoevsky's Moscow: New Sources and Research", https://rscf.ru/project/26-18-00190/).

For citation: Shaulov S. S. Moscow in Fyodor Dostoevsky's "Petersburg" Novel "The Raw Youth". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2026, vol. 24, no. 4, pp. 215–245. DOI: 10.15393/j9.art.2026.18163. EDN: JQAXOZ (In Russ.)

Традиционно считается, что в художественном наследии Достоевского преобладает «петербургский текст», а московская составляющая антитезы двух столиц — ключевой для русской культуры XIX в. — в нем отсутствует. Однако ряд исследований последних лет показывает, что московский биографический контекст, реалии московского детства и юности писателя отразились во всем его творчестве в форме сложно устроенного интертекста, играющего важную роль во взаимодействии с читателем [Борисова, 2020a, 2020b, 2021].

«Подросток» — один из самых показательных примеров в этом плане. Включая в себя отсылки к московской юности писателя (учеба в пансионе Л. И. Чермака) и к более поздней истории борьбы за «куманинское наследство», этот роман как будто не использует традиционное культурно-историческое противопоставление старой и новой столиц, весьма усложнившееся к 1870-м гг. Однако биографический контекст романа (см. об этом: [Нечаева: 42–43], [Борисова, 2018, 2019], [Шаулов, 2020]), на наш взгляд, вполне органично совмещается с литературной традицией. Локальный московский текст функционирует в произведении Достоевского как своего рода опора его авантюрно-криминального сюжета.

В частности, история Аркадия Долгорукого, незаконнорожденного пансионера, явным образом соотносится с сюжетом романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин». Знакомство Достоевского с самым популярным русским романом конца 1820 — начала 1830-х гг. не подлежит сомнению. Вероятнее всего, он был прочитан в момент наивысшей популярности, непосредственно после публикации, а затем не раз актуализировался в сознании Достоевского, о чем свидетельствуют яркие интертекстуальные переклички с романом Булгарина, присутствующие и в послекаторжном творчестве Достоевского.

Так, в «Иване Выжигине» покровитель главного героя Арсалай-султан рассказывает, как некогда в Петербурге защитил добродетельную девушку от посягательств развратного старика Фирюлькина, явившись к нему с решительным разговором:

> «…камердинер повел меня во внутренние комнаты, чрез уборную Фирюлькина. Проходя мимо, я невольно остановился, чтоб рассмотреть вещи, которых я прежде не видывал.

— Что значат эти два стеганые мешочка с подвязками? — спросил я.

— Это икры моего господина, — отвечал лакей.

— А это что за череп?

— Это его волосы.

— А эти кости?

— Это его зубы.

— На что же эти краски на столике между щетками, пудрою и помадой?

— Это цвет лица моего барина» [Булгарин: 137].

Парафраз этого комического диалога обнаруживается в повести «Дядюшкин сон»:

«Сохранилось много любопытных воспоминаний. Рассказывали, между прочим, что князь проводил больше половины дня за своим туалетом и, казалось, был весь составлен из каких-то кусочков. Никто не знал, когда и где он успел так рассыпаться. Он носил парик, усы, бакенбарды и даже эспаньолку — всё, до последнего волоска, накладное и великолепного черного цвета; белился и румянился ежедневно. Уверяли, что он как-то расправлял пружинками морщины на своем лице и что эти пружины были, каким-то особенным образом, скрыты в его волосах. Уверяли еще, что он носит корсет, потому что лишился где-то ребра, неловко выскочив из окошка, во время одного своего любовного похождения, в Италии. Он хромал на левую ногу; утверждали, что эта нога поддельная, а что настоящую сломали ему, при каком-то другом похождении, в Париже, зато приставили новую, какую-то особенную, пробочную. Впрочем, мало ли чего не расскажут? Но верно было, однако же, то, что правый глаз его был стеклянный, хотя и очень искусно подделанный. Зубы тоже были из композиции. Целые дни он умывался разными патентованными водами, душился и помадился» [Достоевский, 2014; т. 2: 300–301].

Эта реминисцентная связь уже отмечена в отечественной науке (см. об этом: [Ковсан]). Однако в творчестве Достоевского и конкретно в «Подростке» можно обнаружить и другие, структурно более сложные переклички с «Иваном Выжигиным». К примеру, отчетливое сходство с семейно-криминальным содержанием романа Достоевского имеет рассказ Миловидина — компаньона и отчасти наставника главного героя — о его московских злоключениях:

> «Узнав о приезде моем в Москву и о моем несчастии, некоторые друзья моего отца соединились, чтоб переменить намерение моего дяди. Они прибегнули к Авдотье Ивановне и, угрожая ей адом и уголовною палатою, успели наконец в том, что Авдотья Ивановна, в лице моего дяди, согласилась дать мне 25 000 рублей с тем, однако ж, чтоб я добровольно отказался от целого наследства, которое простиралось до миллиона рублей. Находясь в крайности, я на все согласился, уверен будучи, что сопротивлением ничего не выиграю. Мне отсчитали деньги, и я оставил дядю моего в покое думать и чувствовать головою и сердцем Авдотьи Ивановны» [Булгарин: 150].

По нашему мнению, ключевые элементы этого популярного в русской литературе первой трети XIX в. авантюрно-криминального сюжета (шантаж со стороны родственников, необходимость отказа от наследства или его части, наконец прямая опасность его криминальной утраты) обусловлены в структуре романа «Подросток» не только отражением личных переживаний писателя, связанных с многолетней наследственной тяжбой и с «делом о московских червонных валетах», но и памятью о популярной литературе времен его юности.

Разумеется, далеко не все генетические и интертекстуальные связи авантюрно-криминального сюжета «Подростка» восходят именно и только к «Ивану Выжигину»: они типологически и фабульно обусловлены. Так, роли Ламберта у Достоевского и Вороватина у Булгарина, воплощающих тип коварного и лживого компаньона, схожи практически в любом авантюрном произведении. Столь же схожи в соответствующем жанровом шаблоне и функции карт и шулерства: практически всегда это инструмент или атрибут предательства и ловушка.

Общим для этой литературной модели является и принцип резкого обострения действия за счет сложения кульминаций сразу нескольких сюжетных линий. К примеру, и в «Подростке», и в «Иване Выжигине» воссоединение героя с семьей происходит в катастрофический момент ее истории: Выжигин, вернувшись из Азии, находит свою мать в полной нищете, Аркадий также застает родных «почти в нищете или накануне нищеты» [Достоевский, 1975; т. 13: 16]. При этом в судьбе обоих героев это ключевой момент, определяющий дальнейший

ход их биографий. Каждый из них примеряет на себя роль спасителя семьи: Выжигин — удачно, Аркадий — нет. Но эта неудача — обычная для Достоевского трансформация заимствованного шаблонизированного мотива, его превращение в инициативу героя и в итоге — в пародию на источник, причем не только на произведение Булгарина, но и в целом на литературную традицию, из которой вышел «Иван Выжигин».

При этом прямое влияние булгаринского претекста на роман Достоевского, на наш взгляд, несомненно. Оба героя — пансионеры. У обоих есть опыт лакейства: у Выжигина — в прямом смысле слова, у Аркадия — как форма защитного поведения. Оба они бастарды, что само по себе не редкость для героев подобных сюжетов, но оба происходят от дворянина и крестьянки, и в обоих случаях в тексте акцентируется княжеская тема: Выжигин — сын князя Милославского, а Аркадий — Долгорукий, но не князь.

В этом же контексте можно указать и на определенное сходство психологического развития двух героев, история которых, по сути, представляет собой череду самообманов и обманов со стороны окружающих. Очевидно (при несомненной разнице эстетических масштабов) и некоторое сходство принципов жанрового синтетизма двух текстов: и «Подросток», и «Иван Выжигин» сочетают в себе черты романа воспитания и авантюрно-криминального романа. Причем преобладают — в том числе и в «Иване Выжигине» — именно черты романа воспитания.

Небольшое отступление по поводу жанра «Ивана Выжигина»: общим местом прижизненной критики стало его сравнение с «Жиль Блазом» А.-Р. Лесажа и, соответственно, указание на то, что роман ориентирован на авантюрную, плутовскую жанровую традицию. Отчасти в этом виноват сам Булгарин, поставивший при первой публикации подзаголовок: «Русский Жиль Блаз». Подзаголовок, несомненно, имел коммерческий смысл и ставил булгаринский роман в один ряд с русскими подражаниями Лесажу, самым известным из которых на момент выхода «Ивана Выжигина» был роман В. Т. Нарежного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (частично опубликован в 1814 г.)

Интересно, что при сходстве структуры (сочетание авантюрного и сентиментально-просветительскогого элемента) романы совершенно по-разному разворачивают перед читателем художественное пространство. Так, Азия в «Иване Выжигине», конечно, условна, но это именно Азия, со всем набором ориентальных штампов культуры начала XIX в. Между тем Нарежный, встретив цензурные затруднения, переписал четвертую часть своего романа, без существенного изменения описаний и сюжета заменив Петербург на Варшаву, «не доезжая до Новгорода» — на «проехав в Киев», «Государственный совет» — на «Сеймовое собрание» и пр. [Жигулева: 618–619].

Показательно, что Москва и Петербург в романе Нарежного даются как некое художественное единство («столицы»), упоминаются в большинстве случаев именно в парной формуле и вместе этически противопоставлены провинции. Едва ли не единственная характеристика собственно Москвы в романе не содержит никаких элементов индивидуализации места — это обобщенный «столичный город»:

> «Что может быть лучше города Москвы? Об ней так много прелестного рассказывают, что нельзя не плениться, и не видав ее! Там, говорят, были бы только деньги, — ну, на случай и немного ума, разумеется когда он есть, а нет, так и нужды мало, — были бы одни деньги и ты имеешь все, что хочешь, и будешь, чем поволишь» [Нарежный; т. 1: 231].

Художественное пространство «Ивана Выжигина» устроено значительно сложнее. Булгарин впоследствии снял первоначальный подзаголовок, заменив его другим — «Нравственно-сатирический роман». Можно предположить, что опытный литературный делец с немалыми амбициями на роль «властителя дум» счел «раскрутку» романа достаточной и решил указать читателю на необходимое направление восприятия — на нравственно-дидактический аспект своего произведения. Помимо очевидного жеста, формирующего авторскую стратегию «писателя-учителя», смена подзаголовка отвечала самому принципу построения «Ивана Выжигина», подразумевающего последовательное (именно в духе некоторых европейских авторов) повествование о герое с его рождения до момента

обретения места в жизни, то есть до полной социализации. Это фабульная схема традиционного романа воспитания.

Прямолинейный дидактический пафос булгаринского произведения реализуется в повествовании о перемещении героя в пространстве Москвы и Петербурга, в их противопоставлении. К примеру, в наставительной речи Миловидина, обращенной к Выжигину, читаем:

> «Петербург можно уподобить прекрасной молодой кокетке большого света, ищущей наслаждений со всеми приличиями, со всеми расчетами образованности. Москва-матушка похожа на пожилую, богатую вдовушку, которая, пожив в большом свете, удалилась внутрь России, в провинциальный город, лежащий посреди ее поместий, чтоб играть первую роль в своем околотке, не прерывая, однако ж, сношений с столицею. Москва, любезный друг, из всех иностранных причуд и обычаев умела соткать для своего покрова свою собственную, оригинальную ткань, в которой чужеземцы узнают только нитки своей фабрики, а покрой одежды и узоры — принадлежат нашей родимой Москве» [Булгарин: 150].

Интересно, что после такого панегирика булгаринский Миловидин создает уже сатирическую картину московского общества:

> «Лучшее московское общество составляют, *во-первых*, так называемые *старики*, отслужившие свой век и от усталости или других причин поселившиеся в Москве на временный покой, в ожидании вечного. <…> *Во-вторых*: чиновники, занимающиеся действительною службой в московских присутственных местах, которые отличаются тем только от чиновников петербургских и других городов, что живут роскошнее, имеют более влияния на дела и не занимаются другими посторонними предметами, как, например, литературою и науками, так, как некоторые молодые чиновники в Петербурге. *В-третьих*: чиновники, не служащие в службе, или матушкины сынки, то есть: задняя шеренга фаланги, покровительствуемой слепою фортуной. <…>. *В-четвертых,* огромное стадо всякого рода отставных чиновников, принадлежащих к старым фамилиям и дослужившихся до известных чинов <…>. *В-пятых*, помещики замосковных губерний, приезжающие в Москву, по зимнему пути, съедать деревенский запас и любоваться танцами своих дочек на балах Дворянского собрания

> или на званых вечеринках <…>. *В-шестых,* приезжие из столицы и из армии искать богатых невест, которыми Москва славится издревле» [Булгарин: 150–152].

Возникает двойственная картина: с одной стороны, Москва — центр русской самобытности, с другой — средоточие всего (или почти всего), что в России достойно осмеяния. Эту двойственность осознает и сам Иван Выжигин, который, попав впервые в Петербург, рассуждает:

> «Доселе я не имел никакого понятия о европейском городе и теперь только понял, отчего петербургские жители называют Москву огромною деревней. Правда, что Москва имеет преимущество пред Петербургом своим местоположением, древностями и историческими воспоминаниями. Москва есть сердце России, а Петербург голова. Москва есть то же для русских, что был Рим для потомков Ромула, когда Константин Великий перенес престол в прелестную Византию. Москва есть колыбель всех древних русских фамилий и могущества России, и как ни мил русскому Петербург, сей памятник величия Петра Великого и его преемников, но сердце его всегда сильнее бьется при воспоминании о Москве. Подобно Мухаметанину, которому вера повелевает посетить Мекку хотя однажды в жизни, русский почитает за священный долг посетить Москву. Вид Кремля и храмов Божиих, где сосредоточивались желания, надежды, радости и скорби наших предков, питает душу и возвышает любовь к отечеству» [Булгарин: 319–320].

У этой двойственности культурно-географической характеристики Москвы есть свой идеологический претекст — комедия «Горе от ума», и он очевиден при обращении к ее первому публикатору, Булгарину, входившему в близкое окружение Грибоедова. Глупая, пошлая, приземленная Москва оказывается *умнее* умного Чацкого, заставляя его примерить на себя колпак *дурака*. Можно найти и другие параллели между иронической классификацией московского общества у Булгарина (см. выше) и общественно-психологической «галереей» грибоедовской комедии. Однако у Грибоедова отсутствует (или является глубоко имплицитным) собственно пространственно-географический образ Москвы, отсутствует ее архитектурный портрет, важный для формирования антитезы двух столиц.

Именно поэтому Чацкий воспринимается скорее как «русский европеец», нежели как «петербургский русский». «Москва» в комедии Грибоедова — скорее психологический атрибут московского сообщества, куда попадает Чацкий, нежели самостоятельный культурно-географический локус. Однако важно, что для Аркадия воспоминание о Версилове в роли Чацкого — именно московское воспоминание, на основе которого подросток вырабатывает собственный сюжет о достижении «величия» (см.: [Фокин]). В этом случае не Грибоедов и его комедия сами по себе становятся частью московского контекста романа, а именно автор в сознании своего героя соединяет эти аллюзии как раз с его московским детством. Важна «привязка» московского литературного и бытового контекста к биографии героя, которая в свою очередь соотносится с авторской: так культурно-географический и литературный контекст соединяется с автобиографическим.

Аналогичный синтез мы находим в наследии Лермонтова — например, в его «Панораме Москвы», где, без сомнения, учтены и характерные пассажи из булгаринского романа, и общий для таких архитектурных портретов столицы французский претекст — глава «Париж с птичьего полета» в «Соборе Парижской Богоматери» В. Гюго [Миллер: 533].

Биографический контекст «Панорамы Москвы» — пять лет, проведенных Лермонтовым в Москве, творческое самоосознание, совершившееся именно в старой столице, и, видимо, первые личные драмы. При этом в интерпретациях данного отрывка и его биографического контекста часто упускаются несколько важных нюансов. Во-первых, «Панорама Москвы» была написана в качестве учебного задания в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров [Миллер: 532]. Следовательно, стиль, пафос и смысловая структура этого текста были *предписаны* автору условиями задания. Во-вторых, Лермонтов, обладавший к двадцати годам колоссальным читательским опытом, не мог не учитывать литературный контекст образа Москвы. Наконец, переезд из Москвы в Петербург, судя по ряду эпистолярных документов (к примеру, его письмам к М. А. Лопухиной от 28 августа и 2 сентября 1832 г.), стал для

Лермонтова крайне тяжелым психологическим опытом, который не мог не повлиять на панегирический текст о Москве, написанный в Петербурге по учебной надобности.

Отсюда вопрос: нет ли в «Панораме Москвы» скрытого столкновения предписанных автору и собственно авторских смыслов — столкновения, структурной функцией которого стало выражение личного отношения автора и к Москве, и к противостоянию двух столиц в целом?

Предписанные смыслы реализованы здесь в самой торжественности речи, в почти обязательных для такого панегирика упоминаниях Ивана Грозного, Петра I, Отечественной войны 1812 г., пожара Москвы и поражения Наполеона. Вполне соответствует жанру торжественной похвалы и риторическое объяснение величия Москвы и Кремля:

> «Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случалось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке… нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!..» [Лермонтов; т. 4: 285].

Следует оговориться, что для Лермонтова, к моменту создания «Панорамы Москвы» уже написавшего «Поле Бородина» (1830), эти смыслы в значительной части стали личными, формируя его гражданское отношение к истории. Однако это, вполне искреннее, по всей видимости, отношение к старой столице не отменяет звучащую в той же «Панораме Москвы» критическую тему с явственными ироническими обертонами:

> «Весьма немногие жители Москвы решались обойти все приделы сего храма. Его мрачная наружность наводит на душу какое-то уныние; кажется, видишь перед собою самого Иоанна Грозного, — но таковым, каков он был в последние годы своей жизни!

И что же? — рядом с этим великолепным, угрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики, суетятся булочники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину; гремят модные кареты, лепечут модные барыни, …всё так шумно, живо, непокойно!..

Вправо от Василия Блаженного, под крутым скатом, течет мелкая, широкая, грязная Москва-река, изнемогая под множеством тяжких судов, нагруженных хлебом и дровами; их длинные мачты, увенчанные полосатыми флюгерями, встают из-за Москворецкого моста, их скрыпучие канаты, колеблемые ветром, как паутина, едва чернеют на голубом небосклоне» [Лермонтов; т. 4: 287].

Возникает отчасти парадоксальная смысловая конструкция: любовь к Москве, ее эмоционально-интимное принятие (подразумевающее критику Петербурга) находится в неразрывном единстве с критическим, ироническим взглядом на нее же. Само по себе это амбивалентное отношение к Москве (как и некоторые формулировки, выражающие это отношение) Лермонтов вполне мог связывать с пушкинским описанием старой столицы («Евгений Онегин», XXXVIII строфа седьмой главы):

«Прощай, свидетель падшей славы,
Петровский замок. Ну! не стой,
Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах» [Пушкин: 135].

Судя по всему, сам автор вполне сознавал и, более того, сознательно артикулировал эту двойственность, обращая ее в том числе и на собственную жизнь — как, например, в письме к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.: «…Москва моя родина и всегда ею останется. Там я *родился*, там много *страдал* и там же был *слишком счастлив*! — лучше бы этих трех вещей не было, но что делать!» [Лермонтов; т. 4: 559].

С момента переезда из старой столицы в новую этот комплекс выражался в лермонтовских текстах неоднократно. Он вполне очевиден в поэме «Сашка» (написанной «онегинской строфой» — см. выше о пушкинском контексте лермонтовской Москвы).

Так, известным строкам:

«Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный…»
[Лермонтов; т. 2: 290] —

предшествуют такие:

«Герой наш был москвич, и потому
Я враг Неве и невскому туману.
Там (я весь мир в свидетели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Занятья вредны русскому уму.
Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва — не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Там я впервые в дни надежд и счастья
Был болен от любви и любострастья»
[Лермонтов; т. 2: 289–290].

А уже после признания в любви к Москве следует такой пассаж:

«Куда теперь нам ехать из Кремля?
Ворот ведь много, велика земля!
Куда? — "На Пресню погоняй, извозчик!" —
"Старуха, прочь!.. Сворачивай, разносчик!"»
[Лермонтов; т. 2: 291].

Наконец, в исчерпывающей полноте эти смыслы развернуты в «Княгине Лиговской», ряд эпизодов которой как раз эксплицирует антитезу двух столиц. Определение Москвы как «старой сплетницы» в устах князя Лиговского дополняется авторским — «гостеприимная старушка», и обе оценки вполне соотносятся как с отдельными фрагментами романа Булгарина, так и с некоторыми образами «Горя от ума». Думается, что вполне вероятное присутствие этих двух текстов в творческом сознании Лермонтова не исключает и других претекстов, а также возможной ориентации автора на *общее* мнение своего времени, на «московские» разговорные формулы.

Для нас важнее то, что в этих трех текстах в разных формах (имплицитно — в «Панораме Москвы», более открыто — в «Княгине Лиговской» и «Сашке») воспроизводится одна и та же указанная выше идеологическая конструкция. Более того, в «Княгине Лиговской» (и именно в речи самой княгини) возникает еще и специфическая акцентуация собственно мотива переезда из Москвы в Петербург:

> «Я люблю Москву. С воспоминанием об ней связана память о таком счастливом времени! А здесь, здесь всё так холодно, так мертво… О, это не мое мнение; это мнение здешних жителей. — Говорят, что въехавши раз в петербургскую заставу, люди меняются совершенно» [Лермонтов; т. 4: 124].

Специфика реализации этого мотива состоит в том, что здесь переезд в Москву и предполагаемая в связи с ним перемена характера трактуются в нравственно-психологическом ключе: речь идет о возможности сохранения чувства, о верности и предательстве — ключевых этических параметрах коллизии Печорина и Веры Лиговской.

Разумеется, глубина психологического конфликта в тексте Лермонтова препятствует постановке «Княгини Лиговской»

в один ряд с «Иваном Выжигиным», однако и в романе Булгарина в «зачаточном» виде присутствует похожая трактовка этого мотива. Именно в Москве начинается настоящая биография булгаринского героя. Его наставник и помощник Миловидин прямо напоминает ему (а точнее — читателю): «Ты воспитывался в Москве, любезный Выжигин» [Булгарин: 150]. В Москве начинаются все вояжи Выжигина — в Азию, на войну с Турцией, в Петербург. Сюда же он возвращается (фактически сбегая из Петербурга) и здесь обретает наконец возможность покоя, осуществить который на практике ему удается уже только в провинции, то есть в очередной раз покинув Москву уже нравственно сложившимся человеком.

Таким образом, значимым для идеологии романа Булгарина оказывается именно отъезд из Москвы. Эта структура, которая впоследствии будет повторяться на протяжении более чем полувека, в романе «Иван Выжигин» еще не полностью сформирована. Возможно, причина этой недооформленности заключается в разнице писательских поколений и отличиях персонального маршрута Булгарина от других литераторов, дебютировавших позже. Иными словами, он не до конца осознавал тот общественно-культурный запрос, на который отвечала русская литература, начиная с конца 1820-х гг.

Об объективном существовании такого запроса свидетельствует тот факт, что описанная выше фабульная структура воспроизводилась литераторами последующих поколений в типологически схожем виде независимо от прямой генетической связи текстов.

«Княгиня Лиговская» впервые была опубликована только в 1882 г., однако сюжетные и психологические функции мотива переезда в Петербург — в том виде, в каком они реализованы, к примеру, в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, — схожи с лермонтовскими. Вполне совпадает с динамикой биографии Адуева-младшего иронический (и самоиронический) пассаж Печорина о своей нравственной эволюции от московского прошлого к петербургскому настоящему:

> «— Григорий Александрович, — возразила княгиня, — не увлекается страстью или пристрастием, он следует одному холодному рассудку.

— Это правда, — отвечал Печорин, — я теперь стал взвешивать слова свои и рассчитывать поступки, следуя примеру других. Когда я увлекался чувством и воображением, надо мною смеялись и пользовались моим простосердечием, но кто же в своей жизни не делал глупостей! И кто не раскаивался! Теперь по чести я готов пожертвовать самою чистейшею, самою воздушной любовью для 3 т. душ с винокуренным заводом и для какого-нибудь графского герба на дверцах кареты! Надобно пользоваться случаем, такие вещи не падают с неба! Не правда ли?» [Лермонтов; т. 4: 125].

Интересно, что маркером этой эволюции в каждом случае становятся именно конкретность дохода или имущества: три тысячи душ («Княгиня Лиговская»), триста тысяч и пятьсот душ («Обыкновенная история»). С сотней рублей и детально, до копейки рассчитанным планом воплощения своей «ротшильдовской идеи» приезжает в Петербург Аркадий Долгорукий. При этом если между Гончаровым и Достоевским был вполне возможен творческий диалог и перенос идей и мотивов, то «Княгиня Лиговская» до 1882 г. была выключена из литературного процесса. Таким образом, речь следует вести именно о выражении разными способами и разными авторами объективно существующих свойств Петербурга, «где всё уравнено, как моды, так и страсти, и дела, и удовольствия, всё взвешено, узнано, оценено… всему назначены границы» [Гончаров; т. 1: 387].

Сходство трех вариаций фабульной ситуации «молодой человек в столице» (в своем истоке — европейской), по всей видимости, опирается на реально-историческое социальное и культурное противостояние Москвы и Петербурга.

Показательно при этом, что в «Княгине Лиговской» собственно Москва только упоминается как место становления героя, а в «Обыкновенной истории» не участвует вовсе. В романе Гончарова оппонент Петербурга — обобщенная провинция, в которую, очевидно, включена и Москва. Сходным образом у Нарежного в его «Жилблазе» провинции противостоит обобщенная столица. Возникает некая устойчивая тенденция: сюжетная редукция образа Москвы при сохранении ее содержательного и нравственного «веса» в художественной структуре.

Аркадий Долгорукий в этом свете может быть рассмотрен как завершение длинного типологического ряда, в котором оказываются и персонажи, попавшие в указанную выше фабульную ситуацию, и их прототипы — участники реального исторического процесса.

Важна здесь именно прототипическая, обеспеченная автобиографическим контекстом связь, придающая фикциональному художественному нарративу характер эго-документа. Это явление находится в русле общеевропейской традиции — стремления литературы Нового времени к «эффекту подлинности» (термин Р. Г. Назирова, см.: [Назиров]), резко повышающему силу *непрямого* эмоционального воздействия текста на читателя или, иными словами, облегчающего читателю отождествление с героем.

Этой связи нет в романе «Иван Выжигин»: ей препятствует откровенный дидактизм Булгарина (при том что авантюрность его собственной биографии могла бы эту связь обеспечить). Однако она легко обнаруживается в произведениях Лермонтова «Сашка», «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени», провоцируя тем самым известное искажение восприятия, уравнивающее героя и автора.

Присутствует подобная прототипическая связь и у Гоголя, чья критика Петербурга в повестях «Невский проспект», «Шинель», «Нос» формируется во многом на риторической основе его писем к родным в первые годы жизни в столице. Достаточно сравнить рассуждения в «Шинели» о «сильном враге всех, получающих четыреста рублей в год жалованья» [Гоголь; т. 3: 147] и экономические расчеты Башмачкина со вполне искренним возмущением столичными ценами в письме будущего автора к матери от 3 января 1829 г.:

> «Картофель продается десятками, десяток луковиц репы стоит 30 коп.… Это всё заставляет меня жить, как в пустыне, я принужден отказаться от лучшего своего удовольствия видеть театр. Если я пойду раз, то уже буду ходить часто, а это для меня накладно, т. е. для моего неплотного кармана. В одной дороге издержано мною триста слишком, да здесь покупка фрака и панталон стоила мне двух сот, да сотня уехала на шляпу, на сапоги,

перчатки, извозчиков и на прочие дрянные, но необходимые мелочи, да на переделку шинели и на покупку к ней воротника до 80 рублей» [Гоголь; т. 10: 137].

Еще более показательны рассуждения Гоголя о «бесхарактерности» Петербурга в письме к матери от 30 апреля 1829 г.:

«Теперь же расскажу вам слова два о Петербурге. Вы, казалось мне, всегда интересовались знать его и восхищались им. Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь объиностранились и сделались ни тем ни другим» [Гоголь; т. 10: 139].

Здесь уже виден не только сам будущий автор «Невского проспекта», но и его диалог с предшествующими художественными трактовками северной столицы (у того же Булгарина, к примеру).

Письма Гоголя к матери не могли быть известны Достоевскому ранее 1856–1857 гг. — до публикации П. А. Кулишом «Записок о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленных из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем» (1856) и «Сочинений и писем Н. В. Гоголя» (1857). Однако Достоевский, безусловно, читал опубликованные еще в пушкинском «Современнике» в 1837 г. «Петербургские записки» Гоголя с их размышлениями о национальном характере и особенностях его проявления в столице.

При этом в выпущенной Достоевским в 1847 г. (то есть до кулишовской публикации) «Петербургской летописи» вполне внятно «вычитываются» параллели и к «Петербургским запискам», и к петербургским письмам Гоголя. Так, у Достоевского «гоголевское» рассуждение о бесхарактерности Петербурга совмещено с типичными описаниями архитектурного облика города как выражения этой самой бесхарактерности:

«Не помним, когда-то случилось нам прочитать одну французскую книгу, которая вся состояла из взглядов на современное состояние России. Конечно, уже известно, что такое взгляды

иностранцев на современное состояние России; как-то упорно не поддаемся мы до сих пор на обмерку нас европейским аршином. Но, несмотря на то, книга пресловутого туриста прочлась всей Европой с жадностию. В ней, между прочим, сказано было, что нет ничего бесхарактернее петербургской архитектуры; что нет в ней ничего особенно поражающего, *ничего национального* и что весь город — одна смешная карикатура некоторых европейских столиц; что, наконец, Петербург, хоть бы в одном архитектурном отношении, представляет такую странную смесь, что не перестаешь ахать да удивляться на каждом шагу. Греческая архитектура, римская архитектура, византийская архитектура, голландская архитектура, готическая архитектура, архитектура рококо, новейшая итальянская архитектура, наша православная архитектура — всё это, говорит путешественник, сбито и скомкано в самом забавном виде и, в заключение, ни одного истинно прекрасного здания! Затем наш турист рассыпается в уважении к Москве за Кремль, говорит по случаю Кремля несколько риторических, витиеватых фраз, гордится московскою национальностию, но проклинает дрожки-пролетки затем, что они удалились от древней, патриархальной линейки, и таким-то образом, говорит он, исчезает в России всё родное и национальное. Смысл выходит тот, что русский стыдится своей народности, затем что не хочет ездить по-прежнему, справедливо опасаясь как-нибудь вытрясти душу в патриархальном своем экипаже» [Достоевский; т. 18: 24].

Интересно при этом, что вполне обычная антитеза «бесхарактерного» Петербурга и «московской национальности» дается Достоевским не прямо, а сквозь призму обобщающей иронии, которую вполне можно «возвести» ко всем указанным выше произведениям. Однако автор «Петербургской летописи» не мог читать ни «Княгини Лиговской», ни «Панорамы Москвы»: они опубликованы уже после его смерти. А отрывков из поэмы «Сашка», напечатанных в 1861 г. П. А. Ефремовым в «Библиографических записках», явно недостаточно для воссоздания всего комплекса смыслов антитезы «Москва — Петербург» в ее лермонтовском изводе. Единственным автором в этом сложном историко-литературном ряду, который может быть указан как генетически общий источник для Лермонтова, Гоголя и Достоевского, остается Булгарин, в свою очередь имеющий в качестве претекста «Горе от ума».

Чем бы ни объяснялось сходство оппозиции «Москва — Петербург» в романе «Подросток» с возможными (Булгарин, Гоголь, Гончаров) и невозможным (Лермонтов) претекстами, для сопоставления важнее оказываются различия.

У Гончарова эта оппозиция (при всех особенностях ее воплощения) дается как *обстоятельство*, объективно определяющее сюжет романа и вектор психологического развития героя. У Лермонтова акцент еще стоит на внутренней жизни героя: его Печорин рассуждает о себе, имеет сложную коммуникативную цель (он дразнит и мучает княгиню), однако мыслит именно в рамках *предзаданной* ему оппозиции. Гоголь осознает эту оппозицию как факт собственной жизни и в дальнейших ее реализациях в своем творчестве неизменно добавляет лирический, даже исповедальный элемент.

Роман «Подросток» отстоит от первых реализаций описываемой идеологической конструкции на четверть века. Образ Москвы в этом романе сформирован на совершенно другом уровне авторской рефлексии. Именно поэтому авантюрные обертоны сюжета, восходящие к московскому читательскому и личному опыту автора, даются нам сквозь призму восприятия самого Аркадия — как результат его собственной эстетической инициативы. Иными словами, весь описанный ранее комплекс в «Подростке» является литературным контекстом внутреннего *самоопределения* героя, а не внешнего определения героя автором. Переезд из Москвы в Петербург осмысляется как сюжетно и этически значимое деяние именно самим героем, вспоминающим и оценивающим сюжет своей «подростковой» биографии.

Поэтому в романе Достоевского рассказывающий о себе герой так часто вспоминает Москву и указывает на нее как на источник своей идеологической и нравственной жизни. В сущности, весь сюжет «Подростка» с точки зрения его героя — это реализация идей, обдуманных и пережитых им в Москве, в начале романа. К московскому же знакомцу Аркадий обращается и за финальным судом над своими записками:

> «Я решился наконец спросить совета у одного человека. Рассмотрев кругом меня, я выбрал этого человека тщательно и критически. Это — Николай Семенович, бывший мой воспитатель в Москве…» [Достоевский, 1975; т. 13: 451].

Аркадий получает от него не просто совет, а развернутую критику — и своего текста, и опосредованно «сюжета» своей психологической эволюции. Иными словами, духовно Аркадий тоже возвращается в Москву и обретает если не душевную гармонию (как это в итоге удается Выжигину), то возможность этой гармонии.

Однако показательно, что москвич Николай Семенович в своей реакции на историю Аркадия акцентирует не географический аспект рассказанной истории, а ее возможную историческую ценность — мыслит не пространством, а временем:

> «О, когда минет злоба дня и настанет будущее, тогда будущий художник отыщет прекрасные формы даже для изображения минувшего беспорядка и хаоса. Вот тогда-то и понадобятся подобные "Записки", как ваши, и дадут материал — были бы искренни, несмотря даже на всю их хаотичность и случайность…» [Достоевский, 1975; т. 13: 455].

В контексте интертекстуальной связи с «Иваном Выжигиным» в этом пассаже можно увидеть отражение риторической формулы, которой завершается роман:

> «Если рукопись моя со временем сделается известною, то каждый, прочитав ее внимательно, удостоверится, что все зло в мире происходит от недостатка нравственного образования, а все доброе от истинного просвещения. Критики простят мне недостатки ради благой цели, удостоверясь, что дурное выставлено мною на вид для того только, чтоб придать более блеска хорошему» [Булгарин: 366].

Такая реминисценция вполне оправдана тем, что свой рассказ Аркадий подчиняет именно авантюрно-дидактической, булгаринской традиции, которая, однако, реализуется как часть внутреннего мира героя. В художественной структуре «Подростка» объективно существующая в социальной, исторической и культурной действительности антитеза «Москва — Петербург», которая в первой половине XIX в. формировала прежде всего реальный контекст творчества всех упомянутых выше писателей, становится фактом эволюции и сюжетно-эстетической активности героя. Не фактический переезд, а его

последующее осмысление в ретроспективном эго-тексте — вот форма, в которой в романе «Подросток» раскрывается смысловой комплекс этой антитезы.

В свою очередь Москва и отъезд из нее в «Подростке» имеют и автобиографический контекст. Этот отъезд — одно из важнейших событий молодости будущего автора «Подростка». В его собственном позднем восприятии это событие отрицательное:

> «…меня с братом Мишей свезли в Петербург в Инженерное училище, 16-ти лет, и испортили нашу будущность. По-моему, это была ошибка» [Достоевский, 1986; т. 29, кн. 1: 27].

Осмысление этого переезда и произошедшей в юности писателя именно *петербургской* идеологической и жизненной трагедии занимало в сознании Достоевского на рубеже 1860–1870-х гг., по всей видимости, очень важное место. Через четыре года после цитируемого выше письма С. А. Ивановой он в статье «Одна из современных фальшей» объяснил, что именно испортило их с братом «будущность». Примечательно, что традиционное для антитезы двух столиц сопоставление «самобытности» и «цивилизации» он в этой статье развернул именно в этическом аспекте:

> «Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю *правду* этого грядущего "обновленного мира" и во всю *святость* будущего коммунистического общества еще Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. — всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия.

Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло» [Достоевский, 1980; т. 21: 130–131].

Петербург осмысляется здесь именно как локус этико-идеологического соблазна, от которого следует вернуться — в Москву, к московским корням:

«Не годы ссылки, не страдания сломили нас. Напротив, ничто не сломило нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга. Нет, нечто другое изменило взгляд наш, наши убеждения и сердца наши (я, разумеется, позволяю себе говорить лишь о тех из нас, об изменении убеждений которых уже стало известно и тем или другим образом засвидетельствовано ими самими). Это нечто другое было непосредственное соприкосновение с народом, братское соединение с ним в общем несчастии, понятие, что сам стал таким же, как он, с ним сравнен и даже приравнен к самой низшей ступени его.

Повторяю, это не так скоро произошло, а постепенно и после очень-очень долгого времени. Не гордость, не самолюбие мешали сознаться. А между тем я был, может быть, одним из тех (я опять про себя одного говорю), которым наиболее облегчен был возврат к народному корню, к узнанию русской души, к признанию духа народного. Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным. У других, может быть, не было такого рода воспоминаний, как у меня» [Достоевский, 1980; т. 21: 133–134].

Показательно, что в сознании Достоевского московская тема в итоге сливается с семейной. Это объяснимо с биографической точки зрения: «семейство русское и благочестивое» — именно московское семейство (ср. с тем, что тема «случайного семейства» возникает и разворачивается у Достоевского именно в петербургском пространстве).

Память о своем московском семействе, образ и идея этого семейства — важнейший контекст всего творчества Достоевского, вне которого не может быть раскрыт полный смысл его

«петербургских» историй. Собственный трагический путь возврата к национальным и семейным корням Достоевский ставит в параллель с историко-литературным контекстом своей юности.

Подобное совмещение бытового и литературного опыта — обычный прием Достоевского. Показательный пример такого синтеза применительно к «Подростку» — описание учебы Аркадия в пансионе Тушара: сохранив топографическую точность и даже портретное сходство с содержателем пансиона Драшусовым (Сушаром) [Федоров: 94–96], нравы пансиона Достоевский заимствует из школы Крикла в романе Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» [Краснощекова: 442]. Так, формируя новый образ Москвы и наделяя его важнейшими функциями в общем романном сюжете и в личной истории Аркадия, Достоевский соединяет личную и литературную память — и уже затем получившееся целое делает источником жизнетворчества своего героя.

Аркадий уезжает из Москвы, сочинив готовый сюжет своей дальнейшей жизни, включающий в себя сознательный отказ от всего, что составляет собственно жизнь (отсюда его стремление «уйти» от семьи), подчинение своего существования реализации «ротшильдовской идеи» и даже парадоксальный финал с демонстративным отказом от нажитого капитала в пользу общества. Этот «созданный» героем в рамках его эстетической инициативы сюжет, с одной стороны включает генетическую связь с романом Булгарина и прототипическую — с биографией самого Достоевского, а с другой — учитывает литературную традицию, существенным элементом которой является как раз образ Москвы — источника и исходной точки любого биографического сюжета. Примечательно, что, даже отказавшись от «ротшильдовской идеи», Аркадий Долгорукий остается в идеологическом пространстве, центрированном вокруг Москвы (именно поэтому он подчеркивает, что первый читатель его «Записок» — его *московский* воспитатель).

Но Николай Семенович, как уже было указано выше, переводит обсуждение «записок» из социально-географической в культурно-историческую плоскость. Выстроив свой личный сюжет на оппозиции «Москва — Петербург», герой получает

намек на то, что весь этот сюжет — только этап его личного духовного пути и коллективного пути национального самопознания. Есть в замечаниях Николая Семеновича и скрытый совет — вернуться туда, где «всё, что было у нас хотя сколько-нибудь завершенного», к пушкинским «Преданиям русского семейства» [Достоевский, 1975; т. 13: 453], то есть к Москве как духовному ориентиру.

Так может быть интерпретирован личный сюжет Аркадия Долгорукого и его культурно-географические контексты с точки зрения формальной поэтики романа — то есть на том уровне его структуры, на котором возможно говорить об «эстетической инициативе» героя и его «равноправии» с автором.

На уровне же художественного целого романа, где разворачивается обобщающая мысль «автора-творца», собственно, «достоевский» вариант образа Москвы и ее роли в антитезе двух столиц рождается как синтез биографического и литературного контекста — и становится инструментом *исторического* описания пути самопознания, пройденного несколькими поколениями русского общества XIX в. При этом Достоевский и свой личный духовный путь осмыслял как часть общенационального, а потому в описанную художественную структуру органично включаются его собственные воспоминания о московском детстве и юности. Наконец, учитывая христианские основы исторической и нравственной мысли Достоевского и ее обращенность в будущее, можно интерпретировать обращение писателя к наследию воспитательного романа начала XIX в. как сознательную попытку реанимации жанра — попытку, необходимую для металитературных, дидактических и публицистических целей автора.

Список литературы

1. Борисова В. В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2018. Т. 5. № 1. С. 32–42 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (23.07.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481. EDN: XOPSRF
2. Борисова В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // Неизвестный Достоевский. 2019. Т. 6. № 1. С. 46–69 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (23.07.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786. EDN: WPZTDT
3. Борисова В. В. «Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 1. С. 156–167 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666726.pdf (23.07.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481. EDN: AKHPWZ
4. Борисова В. В., Шаулов С. С. «Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 3. С. 149–165 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1602588705.pdf (23.07.2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781. EDN: UXLLML
5. Булгарин Ф. В. Соч. / сост., автор вступ. ст. и примеч. Н. Н. Львова. М.: Современник, 1990. 706 с. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/1990_20250801_202508/mode/1up?q=критики (23.07.2026).
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. / гл. ред. Н. Л. Мещеряков; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: АН СССР, 1937–1952 [Электронный ресурс]. URL: https://russian-literature.org/author/Gogol (23.07.2026).
7. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука, 1997. Т. 1: Обыкновенная история; Стихотворения; Повести и очерки; Публицистика, 1832–1848 / ред. Т. И. Орнатская, В. А. Туниманов. 832 с. [Электронный ресурс]. URL: https://russian-literature.org/object/36471278 (23.07.2026).
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, 1972–1990 [Электронный ресурс]. URL: https://russian-literature.org/author/Dostoyevsky (23.07.2026).
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2013–2022–. Т. 1–11.
10. Жигулева А. М. Примечания // Нарежный В. Т. Избр. соч.: в 2 т. / вступ. ст. Н. Л. Степанова; подгот. текста и примеч. А. М. Жигулева. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 1. 624 с. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/1.-..-..-1956/Избранные%20сочинения%20в%20двух%20томах.%20Том%201.%20—%20М.%20%20ГИХЛ.%201956/mode/1up (23.07.2026).

11. Ковсан М. Л. Об одной реминисценции в «Дядюшкином сне» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 139–140 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_10/12_Ковсан_139.pdf (23.07.2026).
12. Краснощекова Е. А. Роман воспитания Bildungsroman на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2008. 478 с. [Электронный ресурс]. URL: https://djvu.online/file/qfTMRY9RTQ5GX (23.07.2026).
13. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. О. В. Миллер; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/4-.-2014.-4/Лермонтов%20М.Ю.%20Собрание%20сочинений%20в%204%20томах.%202014.%20ТОм%203/ (23.07.2026).
14. Миллер О. В. Комментарии // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. О. В. Миллер; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2014. Т. 4: Проза, письма, 1827—1841. 699 с. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/4-.-2014.-4/Лермонтов%20М.Ю.%20Собрание%20сочинений%20в%204%20томах.%202014.%20Том%204/mode/1up (23.07.2026).
15. Мякинченко М. А. «И тут не без дядюшки…» К истории творческих взаимоотношений Ф. М. Достоевского и И. А. Гончарова // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 2. С. 96–103 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.kosgos.ru/attachments/article/421/Myakinchenko_ma-vestnik-2021-2-ru.pdf (23.07.2026). DOI: 10.34216/1998-0817-2021-27-2-96-103. EDN: VEBTSE
16. Назиров Р. Г. Эффект подлинности. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 140 с. [Электронный ресурс]. URL: https://nevmenandr.net/nazirov/effect.pdf (23.07.2026).
17. Нарежный В. Т. Избр. соч.: в 2 т. / вступ. ст. Н. Л. Степанова; подгот. текста и примеч. А. М. Жигулева. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 1. 624 с. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/1.-..-..-1956/Избранные%20сочинения%20в%20двух%20томах.%20Том%201.%20—%20М.%20%20ГИХЛ.%201956/mode/1up (23.07.2026).
18. Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с. [Электронный ресурс]. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/nechaeva_ranny_dostoevsky_1821-1849_1979_text.pdf (23.07.2026).
19. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / примеч. проф. Б. В. Томашевского; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. 525 с. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/B-001-033-051-ALL/B-001-033-051-03/mode/1up (23.07.2026).
20. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века: [сб.]. М.: Языки славян. культуры, 2004. 459 с.

21. Фокин П. Е. Грибоедовские фантазии Аркадия Долгорукого (Поэтика детства у Достоевского и ее реализация в романе «Подросток») // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения: [сб. ст.]. Коломна: КГПИ, 2003. С. 205–208. (Сер.: Педагогический потенциал русской литературы.)
22. Шаулов С. С. «Куманинское дело» и роман «Подросток»: рецептивный аспект // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 105–116 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2020-4/03_Shaulov_105-116.pdf (23.07.2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2020-4-105-116. EDN: SNYWJV

References

1. Borisova V. V. “The Kumanin Heritage Case” in Life and Works of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, vol. 5, no. 1, pp. 32–42. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (accessed on July 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481. EDN: XOPSRF (In Russ.)
2. Borisova V. V. Moral and Legal Dimensions of the “Kumanin Case”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, vol. 6, no. 1, pp. 46–69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (accessed on July 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786. EDN: WPZTDT (In Russ.)
3. Borisova V. V. “Jack of Hearts” A. T. Neofitov from the Circle of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, vol. 7, no. 1, pp. 156–167. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666726.pdf (accessed on July 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481. EDN: AKHPWZ (In Russ.)
4. Borisova V. V., Shaulov S. S. “The Jack of Hearts Club” in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Raw Youth”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, vol. 7, no. 3, pp. 149–165. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1602588705.pdf (accessed on July 23, 2026). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781. EDN: UXLLML (In Russ.)
5. Bulgarin F. V. *Sochineniya* [*The Works*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 706 p. Available at: https://archive.org/details/1990_20250801_202508/mode/1up?q=критики (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
6. Gogol’ N. V. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 14 tomakh* [*The Complete Works*: *in 14 Vols*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1952. Available at: https://russian-literature.org/author/Gogol (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
7. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: *v 20 tomakh* [*The Complete Works and Letters*: *in 20 Vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1. 832 p. Available at: https://russian-literature.org/object/36471278 (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)

8. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 30 tomakh* [*The Complete Works*: *in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. Available at: https://russian-literature.org/author/Dostoyevsky (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: *v 35 tomakh* [*The Complete Works and Letters*: *in 35 Vols*]. 2nd ed., corrected and supplemented. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2022, vol. 1–11 (the publication continues). (In Russ.)
10. Zhiguleva A. M. Notes. In: *Narezhnyy V. T. Izbrannye sochineniya*: *v 2 tomakh* [*Narezhny V. T. Selected Works*: *in 2 Vols*]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956, vol. 1. 624 p. Available at: https://archive.org/details/1.-..-..-1956/Избранные%20сочинения%20в%20двух%20томах.%20Том%201.%20—%20М.%20%20ГИХЛ.%201956/mode/1up (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
11. Kovsan M. L. On One Reminiscence in "Uncle's Dream". In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 10, pp. 139–140. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_10/12_Ковсан_139.pdf (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
12. Krasnoshchekova E. A. *Roman vospitaniya Bildungsroman na russkoy pochve*: *Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoyevskiy* [*The Bildungsroman on Russian Soil*: *Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoevsky*]. St. Petersburg, Pushkinskiy fond Publ., 2008. 478 p. Available at: https://djvu.online/file/qfTMRY9RTQ5GX (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
13. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy*: *v 4 tomakh* [*The Collected Works*: *in 4 Vols*]. St. Petersburg, Pushkinskiy dom Publ., 2014. Available at: https://archive.org/details/4-.-2014.-4/Лермонтов%20М.Ю.%20Собрание%20сочинений%20в%204%20томах.%202014.%20ТОм%203/ (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
14. Miller O. V. Comments. In: *Lermontov M. Yu. Sobranie sochineniy*: *v 4 tomakh* [*Lermontov M. Yu. The Collected Works*: *in 4 Vols*]. St. Petersburg, Pushkinskiy dom Publ., 2014, vol. 4: Prose, Letters, 1827—1841. 699 p. Available at: https://archive.org/details/4-.-2014.-4/Лермонтов%20М.Ю.%20Собрание%20сочинений%20в%204%20томах.%202014.%20Том%204/mode/1up (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
15. Myakinchenko M. A. "Even Here Your Uncle Has Been of Use to You!" On the History of Creative Relationships of Fyodor Dostoevsky and Ivan Goncharov. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Vestnik of Kostroma State University*], 2021, vol. 27, no. 2, pp. 96–103. Available at: https://vestnik.kosgos.ru/attachments/article/421/Myakinchenko_ma-vestnik-2021-2-ru.pdf (accessed on July 23, 2026). DOI: 10.34216/1998-0817-2021-27-2-96-103. EDN: VEBTSE (In Russ.)
16. Nazirov R. G. *Effekt podlinnosti* [*The Effect of Authenticity*]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2016. 140 p. Available at: https://nevmenandr.net/nazirov/effect.pdf (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)

17. Narezhnyy V. T. *Izbrannye sochineniya*: *v 2 tomakh* [*Selected Works*: *in 2 Vols*]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956, vol. 1. 624 p. Available at: https://archive.org/details/1.-..-..-1956/Избранные%20сочинения%20в%20двух%20томах.%20Том%201.%20—%20М.%20%20ГИХЛ.%201956/mode/1up (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
18. Nechaeva V. S. *Ranniy Dostoevskiy. 1821–1849* [*The Early Dostoevsky. 1821–1849*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. Available at: https://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/nechaeva_ranny_dostoevsky_1821-1849_1979_text.pdf (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
19. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy*: *v 10 tomakh* [*The Complete Works*: *in 10 Vols*]. 4th ed. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 5. 525 p. Available at: https://archive.org/details/B-001-033-051-ALL/B-001-033-051-03/mode/1up (accessed on July 23, 2026). (In Russ.)
20. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [*Dostoevsky's Moscow World. From the History of Russian Artistic Culture of the 20th Century*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 459 p. (In Russ.)
21. Fokin P. E. Griboedov's Fantasies of Arkady Dolgoruky (The Poetics of Childhood in Dostoevsky and Its Realization in the Novel "The Adolescent"). In: *Roman F. M. Dostoevskogo "Podrostok"*: *vozmozhnosti prochteniya*: *sbornik statey* [*F. M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent"*: *Possibilities of Reading*: *Collection of Articles*]. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2003, pp. 205–208. (Ser.: The Pedagogical Potential of Russian Literature.) (In Russ.)
22. Shaulov S. S. "The Kumanin Inheritance Case" and "The Adolescent": A Reception Aspect. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2020, no. 4 (12), pp. 105–116. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2020-4/03_Shaulov_105-116.pdf (accessed on July 23, 2026). DOI: 10.22455/2619-0311-2020-4-105-116. EDN: SNYWJV (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шаулов Сергей Сергеевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии Института международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет (ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034); зав. отделом, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля («Дом-музей М. Ю. Лермонтова») (ул. Малая Молчановка, 2, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3931-1714; e-mail: sschaulov@gmail.com.

Sergey S. Shaulov, PhD (Philology), Leading Research Fellow of Laboratory of Comparative Literature and Cultural Diplomacy of Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Head of Department, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature ("House-Museum of M. Yu. Lermontov") (ul. Malaya Molchanovka 2, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3931-1714; e-mail: sschaulov@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 25.07.2026
Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.08.2026
Принята к публикации / Accepted 28.09.2026
Дата публикации / Date of publication 18.11.2026